

И упадёшь в траву

*Идея рассказа появилась благодаря
стихотворению поэтессы Марии Затонской.*

Бабка была бой-баба: противень могла разорвать, яблоню рубила, не крякнув. Служила в библиотеке. Любила списки.

Забор почини.

Курям задай корм.

Хлеб купи.

С библиотеки же росла её слабость: обожала бабка духи с сиренью и легенды про города.

Раз в месяц ходила в мебельный цех, забирала у знакомого армянина отходы: щепу, нить, обивку. Вечерами колдовала, шила игрушки. Потом продавала. Когда хорошо продавалось, бабка пекла хворост. По большим праздникам стряпала профитроли — любимое дедово лакомство. Приговаривала: что редко встречается, то особо ценно. Стряпала их раза три за полвека: на первую годовщину, на первого внука, на дедов юбилей. Пахли так, что вся деревня сбегалась; тесто нежное-нежное на вид, на щуп — как липовый луб.

Иногда, в редкую минуту, звала деда «мусое¹». Он злился: какой я тебе мусое! Она всё равно звала.

Забор почини.

Ящик сколоти под рассаду.

Шапку свою найди.

До бабки у деда было девять лобовей. И рыжая была, и тёмненькая, и беленькая. Какая бабка была поначалу, он уже и не помнил; помнил только совсем седенькую: как наклонялась к земле, кряхтя, сажала у выломанной штакетины грушу. Груша цвела пышным облаком, белым ураганом — а груш не было. Ладно бы хоть с кукиш вырастали.

¹ Мусое (удм.) — ласковое обращение.

Бабка бодрилась:

— Десять лет надо, чтоб выросли. Зато потом съешь — здоров будешь по-сказочному. Легенда такая.

Может, и так, думал дед, может, и так. Только те десять лет ещё прожить.

Как разучился тогда дышать, так и не смог снова.

...Как-то захворал сильно. Бабка сидела у постели, меняла полотенца, сказки рассказывала. Просыпался — понимал: нет никого.

Внучка приехала — разобрать вещи. Кастрюли, коробки. Он махал руками, говорил: не надо мне. Бери, нылы², бери.

Колготки в мелкую сетку цеплялись за ладони; бабка в них, наверное, сильно мёрзла...

— Вот это зелёное, в цветок, — внучкин голос долетал с далёкого далёка, — Заберу, ладно? Бабушка говорила, закружишься в нём на лугу, упадёшь на бегу в траву... Заберу? Дед?..

— Не. Это оставь, нылы.

Ночами бабка сидела у постели, рассказывала легенды. Просыпался — никого. Однажды проснулся, взял зелёное платье и пошёл на холм.

Это бабкина любимая была сказка, он над ней хуже всего смеялся. Опустись, говорила, чью-то вещь в траву на этом холме, и человек явится.

...Дед взбирался, мотал головой, цеплялся одной рукой за цикорий, второй следил, чтоб платье не помялось. Чистый изумруд, шёлк, лёгонькое, текло прямо в траву.

Дед вскарабкался на вершину, никак не отдышаться. Весь город видать. Вон их дом. Вон груша, а вокруг этажи, этажи...

² Нылы (удм.) — ласковое обращение к девочке, девушке.

Потряс платьем. Пошептал что-то. Щёки стало жечь, припекло в груди так, что опустился бы в траву, съёжился, но платье, платье не замарать...

В сердце вогнали бабкину иголку; воздух кончился. Дед думал, что сам кончился. А потом ветерок налетел, и сиренью, сиренью запахло густо-густо, и он услышал:

Алёшку в первый класс отправишь.

Смотри, чтобы грушу мою дождался.

И забор, забор почини, старый ты мой дурень.